

Мариэтта Чудакова: «От нас ничего не зависит» — самая распространенная фраза в России»

— Сейчас стало модным сравнивать 2011 год с 1991-м. Вы чувствуете в воздухе то же ощущение невозможности жить по-прежнему, какое было двадцать лет назад?

— Я стараюсь следить за ситуацией и руководствуюсь сугубо социальной интуицией. И вижу, что люди уверены, что так не может продолжаться, хотя ничего не хотят делать, чтобы что-то изменить.

Мариэтта Чудакова // © Александр Уткин

— **А что они могут делать?**

— Посмотрите, как люди говорят ополитике— как о чем-то абсолютно факультативном. Зато когда решаются домашние дела, проблемы семейного бюджета, у всех появляется собранность. Если люди поймут, что и о происходящем в стране нужно говорить как о насущном, а не факультативном, тогда станет ясно, что делать.

— **А что происходит в стране?**

— Мыслящая часть нашей страны не так уж велика. Но и не мала. Полпроцента взрослого населения— это 500 тыс. человек. Вообразите себе, что эти полмиллиона людей готовы к действию, прекрасно оценивают обстановку,— какая у нас была бы сейчас ситуация? Очень даже оптимистическая. Сегодня же происходит следующее: мыслящая часть общества до смешного повторяет поведение мыслящей части в 1910-е годы. Иведет дело к тому самому, что произошло в 1917 году. Это ведь они тогда убедили царя отречься. Слабый был государь, ничего не скажешь. Но все-таки при нем Россия была лучше ГУЛАГа.

— **С этим трудно спорить. Хуже ГУЛАГа ведь мало что есть.**

— А отречение и было шагом к ГУЛАГу, отречение якобы слабого государя. Сейчас я в своей стране являюсь жертвой, как бы это выразиться приличнее, огромного количества женщин, недовольных своей семейной жизнью. Унас, конечно, мужчин-пьяниц полстраны, что и говорить, мало хорошего видят от них женщины. Изэтим женщинам нужен мачо во главе страны. Чтобы снимался полуголый, а они будут любоваться. Мне это чуждо, понимаете? Я с детства жила за широкой спиной настоящих мужчин: отец, старшие братья, муж, друзья. Этой вот тоски по мачо, которая написана в глазах множества российских женщин, у меня совсем нет. Я хочу, чтобы был вменяемый глава государства. Мы же идем по пути, который прокладывает сейчас

окружение нашего премьера, люди, нахавшие незаконно огромные средства. Главная их задача— эти средства сохранить, ведь при любых изменениях они могут все потерять. Вы слушаете меня с сомнением, мол, что-то я слишком серьезно об этом обо всем. А какой смысл несерьезно? Я же не собираюсь мою страну покидать. Ине хотела бы, чтобы ее покинули моя дочь, моя внучка. Я однажды ненароком сказала и с тех пор повторяю: Россия— такая страна, которая на дороге не валяется.

— Это правда. Скепсис, который вы заметили,— это реакция на нахпали. Ведь нахпывание всегда сопровождается всякий передел власти. Я предпочитаю думать, что когда нахпали много— это хорошо, потому что вслед за этим возникает желание легитимизировать нахпанное, чтобы можно было передать детям, внукам, чтобы новые деньги превратились в старые деньги. А единственный способ легитимации— сделать нахпанное легальным и право частной собственности священным.

— Дело в том, что я резко, хоть, может, и неправоммерно, разделяю капиталы предпринимателей, появившиеся в начале 1990-х годов, и тех, кто обогатился в нулевые годы за счет резко выросшей коррупции, доходы так называемых чиновников. Между ними для меня огромная разница: уже в 2003 году мониторинг ИНДЕМА показал, что взятки, которые предприниматели вынуждены были давать чиновникам, выросли в разы буквально задва-три года.

— Хотя нам с вами эти люди кажутся жуликами и паразитами, сточки зрения экономической отличить чиновника от бизнесмена в этом смысле невозможно: одни добывают нефть и продают окорочка, другие капитализируют ресурс доступа к чему-то. Это как спрос и предложение, такая уродливая морда рынка.

— Нет, я более сурово сужу. Считаю, хоть я и была в комиссии по помилованию семь лет, что коррумпанты должны идти в тюрьму. Коррупция, охватившая страну панцирем, не дает дышать людям. Это в Москве не так видно. На Алтае, где я часто бываю, совсем другая ситуация.

— А как вы с Алтаем связаны?

— Я давно дружу с алтайскими ветеранами Афганистана. Каждый год там у «афганцев» самоубийства— от полной безнадежности. Любые начальники в тех краях, далеких от нас, предпочитают давать работу преступникам. Потому что преступники с ними делятся, а «афганцы» не хотят давать взятки. Мы несколько лет назад создали общественную организацию, которую придумал мой младший товарищ бывший командир отделения разведроты десантного полка Андрей Мосин. Его идея: ветераны срочной службы плюс интеллигенция. Ни один интеллигент не додумался бы до этого, согласитесь. Я сейчас вместе с ними пытаюсь остановить происходящее в Республике Алтай: там в Чемальском районе, в единственном (вдумайтесь в это слово) месте в России, где от туберкулеза лечит воздух, закрыли дошкольное отделение детского туберкулезного санатория, который мы опекали десять лет. Больных детей вернули в контактные— с палочками Коха— семьи. Территория в живописном месте явно для кого-то предназначается. Вот я этим занята уже целый год.

— Но ведь существование коррумпантов возможно потому, что их терпят. Те же родители алтайских детей.

— Нет, знаете, не совсем терпят. Вот Андрей собрал в Республике Алтай 1200 подписей за два месяца, еще присоединился город Рубцовск Алтайского края— 500 подписей.

— Это как-нибудь беспокоит коррумпантов?

— Нет. Но сейчас мы идем дальше — передали материалы президенту, посмотрим, что будет. А что вы предлагаете делать? Мы занимаемся борьбой. Я люблю свою научную работу, с пятнадцати лет мечтала ею заниматься и сейчас мечтаю. Но приходится отрываться. Детей жалко!

— А такая вещь, как репутация, еще важна?

— Я вот уже месяца три задаю разным людям один и тот же вопрос, уже человек семьдесят опросила: когда вы последний раз слышали фразу «он поступил бесчестно»? Никто не может вспомнить, увы. Я убежденная противница смертной казни, но считаю, что очень плохо, что у нас исчез институт пощечины. Если бы человек знал, что ему могут публично за его делишки дать пощечину, поостерегся бы бесстыдно действовать. Вы не верите?

— Нет, не верю. У нас не только институт пощечины исчез, у нас за пощечину сдачи могут дать. Даже

даме. Отчего так далеко зашло дело?

— Это большой разговор.

— Может, все дело в неправильном устройстве экономики? Мне недавно Никита Белых рассказывал об эксперименте в Вятской губернии. Там много мелких поселений, в которых жители скидывались— весьма скромно, по 250 руб. в год— на всяческие социальные функции, выполнение которых возлагалось на начальников поселения. Так вот каждый из них за эти 250 руб. был готов любого начальника порвать в клочья. То есть одно дело, когда налог обезличен и отчужден, и другое— когда он близкий и личный. Может, это ответ?

— Наверное. Мы в советское время привыкли не знать, куда деваются наши налоги. Нам говорили: «обождите в сторонке», «без вас». Недаром же исчезли слова филантропия, благотворительность. Они были буржуазные, их нельзя было употреблять. Сейчас с трудом возвращаются и слова, и представление о благотворительности, о помощи людям. Понятие «налогоплательщик» крайне важное.

— Но ведь таковым себя не чувствует даже первое советское поколение.

— У них советское уже отошло, но на его место не встала стройная новая этика, новая система взаимоотношений с государством, друг с другом. В каком-то смысле ради заполнения этой пустоты я писала свою детскую книжку, детектив про Женю Осинкину.

— Я была уверена, что вы для удовольствия писали.

— Удовольствие я, конечно, получала, нельзя ничего делать без удовольствия. Но самое большое удовольствие я получаю от занятий историей литературы. За книгу для детей я взялась из идейных соображений— именно для того, чтобы ввести там какую-то систему ценностей.

— Откуда она вообще может появиться?

— Кто-то должен объяснить. У нас же детям не объясняют элементарные вещи. У нас чушью заняты: считают, что патриотическое воспитание— это показывать, что в нашей стране всегда все было хорошо.

— К этому, мне кажется, никто серьезно не относится.

— То же я слышала о советской пропаганде: кто там ей верит! Это очень серьезно! Пропаганда, даже самая тупая, оседает в мозгах. Имы сейчас боремся с последствиями советской пропаганды, хотя советская власть закончилась двадцать лет назад. Извините, Таня, это несерьезно— говорить, что это несерьезно. Это все очень серьезно. Патриотически воспитывать— это показывать все страшные картины нашего XX века и возбуждать в 1314-летнем человеке активное их неприятие: никогда не допущу, чтобы в моей стране это повторилось!

— Что должно произойти, чтобы патриотическое воспитание у нас выглядело именно так?

— Есть несколько идей, которые надо детям внушать. Первая— что в России они у себя дома. Человеку с нежного возраста надо внушать: это твоя страна! Ане дядьки-чиновника, который говорит: «Тебе что тут надо?»

— Сегодняшние дети вроде и так знают, что это их страна.

— Не знают. С тем же Андреем Мосиным мы проехали на машине от Владивостока до Москвы, останавливались в семнадцати городах, в крупных библиотеках встречались со множеством людей. Я читала везде одну и ту же лекцию— о современной литературной ситуации. А потом начинался разговор, как вы догадываетесь, на общественные темы. Так вот семнадцать городов, в каждом две-три аудитории, в каждой от пятидесяти до ста с лишним слушателей. Не было случая, чтобы в конце не встал человек и не сказал, разводя безнадежно руками: «Так ведь от нас ничего не зависит!» Так мы узнали, что это сегодня самая распространенная фраза в России. Изначит, ее произносят дома при детях. Вот этих родителей я бы привлекала к судебной ответственности— как если бы они ребенка держали в сыром подвале, не пускали на солнце. Мы же с вами подняли бы шум, если бы о подвале узнали? Атут вот не поднимаем— когда ребенок в 1112 лет привыкает к мысли, что в его стране от него ничего не зависит. Как же он может понимать, что это его страна? Я настаиваю на том, что у нас утеряно представление, что человек живет в своей стране. Он как бы живет здесь, но это скорее страна пребывания. Пытаюсь, как могу, с этим бороться— через свои тексты.

— **А что еще можно? Только бороться через тексты.**

— Наоборот, все можно. Начинать со своей семьи, потом с класса, где учится ваш ребенок. Много чего можно делать.

— **А сотрудничать с властями при этом можно?**

— Я вообще этого вопроса не понимаю! Смотря с какими властями. Некоторые мне говорили: как можно, вы в президентском совете у Ельцина. Я за честь считала! Что я в президентском совете, что я в президентской комиссии по вопросам помилования. Исейчас считаю честью. Акак еще, если ты с уважением относишься к своему президенту— а я к нему относилась с уважением, несмотря на его роковые ошибки. Из которых на самом деле была одна— Чечня. Кстати, я резко возражала против нее— при Ельцине это было можно. Писала статьи, подписываясь всякий раз «член президентского совета».

Мы сейчас стоим на краю пропасти практически. А никто этого не понимает. Все говорят: это не нравится в президенте сегодняшнем, то не нравится, он не такой, он слабый и прочее. Нет, я все это не признаю. Потому что, повторяю, со всеми слабостями Николай II мне в сто раз ценнее ГУЛАГа.

— **Мне кажется, как раз сейчас осознание того, что мы стоим если не на краю пропасти, то близко к ней, в воздухе стало носиться.**

— Но делать же нужно что-то, действовать каким-то образом! Как минимум понимать. Унас ведь все заражены утопизмом, в генах осталось, от бабушки, от дедушки. Нам подай такого президента, чтоб я за него мог дочь свою выдать замуж. Либо все— либо ничего.

— **Только так.**

— Вы согласны с этим?

— **Абсолютно.**

— Я считаю, что большего маразма, губительного для страны, трудно придумать. Дорогая Таня, выбор перед нами простой, и все потом скажут, что я говорила правильно, но тогда будет поздно. Вопрос простой: кто не должен прийти еще на двенадцать лет? Почему одному мы дали четыре года работать, а другой получает двадцать?

— **Вы что же, думаете, что тот, чье имя нельзя произносить и кто может прийти на новый срок, хочет плохого нашей с вами родине?**

— Я не знаю, кто чего хочет, я в таких категориях не мыслю. Я вижу, что его второй срок был плох для России. У нас десять лет текло золото из крана. Чем занималось правительство? Чем занимался глава государства? Мы должны были создать конкурентоспособные отрасли— мы их не создали. Это одно— уже преступление.

— **А ракеты? А истребители? А оружие?**

— У нас с вами тональности разные. Вам все весело. А мне все грустно.

— **Мне не весело. Это защитная реакция. Что нам делать-то?**

— Я считаю, что нужно выбрать на второй срок Медведева и чтобы он продолжил начатое. Он сделал много хороших вещей. Только не все замечают. Я за семь лет работы в комиссии по помилованию прочла десятки тысяч приговоров и ни разу не встретила приговора меньше полутора лет. Сейчас президент отменил нижнюю планку срока наказания у 68 статей. Судья может дать теперь месяц или два. Это же революция в российском судебном деле! Кто-нибудь заметил?

— **Да, заметили.**

— Вы заметили. А вы когда-нибудь слышали, чтоб кто-нибудь говорил, как это хорошо? За последние два года на его счету немало. Я сейчас вместе с сотоварищами создала движение в поддержку действующего президента, на днях объявим об этом. Мы хотим, чтобы он пошел на второй срок. Нас поддерживают люди из самых разных слоев общества— вот что важно.

— **Какой из ваших проектов у вас сейчас самый любимый?**

— Я отложила свои очень важные работы и работу над книгами своего мужа, потому что меня осенило, что я должна написать. Я должна не дать отравить сознание детей до конца— их родителям, бабушкам и дедушкам, которые уже объяснили молодым людям, как их обобрали Ельцин и Гайдар. Решила написать книгу, которую сейчас с азартом дописываю. Называться она будет «Егор», подзаголовок— «Книжка для смысленных людей от 10 до 16 лет». Я пытаюсь рассказать детям о герое нашего времени— о Егоре Гайдаре.

— **Есть надежда, что они поймут, что такое честь и мужество, и узнают, что честь и мужество существовали здесь и сейчас?**

— Да, именно так. Будем стараться. Как говорила Цветаева, писать надо только те книги, от отсутствия которых страдаешь.

Автор: Беседовала Татьяна Малкина   © Московские новости   ОБЩЕСТВО, РОССИЯ   👁 4173   28.06.2011, 13:57
👍 396

URL: <https://babr24.com/?ADE=94482>   Bytes: 14459 / 14193   Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Беседовала
Татьяна Малкина.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)